

**ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ В РАССКАЗЕ ДЕНИСА ЯЦУТКО
«ПУСТОЙ ГОРОД»**

«Всеобщая декларация прав человека», принятая в 1948 г. Организацией Объединенных Наций, не содержала пункта, отстаивающего право на сохранение самой человеческой природы, т.е. в конечном счете право быть человеком естественного происхождения, настолько фантастичной казалась перспектива искусственного производства людей, смоделированная в романе О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932). Третья (вслед за появлением ядер-

ной физики и информационным взрывом) революция, определяющая развитие современной науки и техники, — биотехнологическая, все более набирающая обороты, заставила изменить отношение к прогнозам, воспринимавшимся как чистый вымысел, поскольку в наше время шаг за шагом они начинают воплощаться в жизнь. «Многие технологии, которые предвидел Хаксли — например, оплодотворение in vitro, суррогатное материнство, психотропные средства и генная инженерия для изготовления детей — уже есть или маячат на горизонте <...> ... Завершение проекта «Геном человека» в 2000 году предвещает куда более серьезные проблемы» [3, с. 15]. Успехи в области клонирования наряду с большими обещаниями — включая возможность бесконечного воспроизводство человека из взрослой клетки — неотделимы от осознания угрозы изменения природы человека, вплоть до его «исчезновения» как существа природного. Осмысление последствий предполагаемого достижения бессмертия посредством клонирования предпринимает Д. Яцутко в рассказе «Пустой город» (2004).

Город Д. Яцутко архетипически восходит к идеальному полису-государству Платона, Утопии Т. Мора, Городу Солнца Т. Кампанеллы, однако символизирует постчеловеческую цивилизацию будущего, благодаря биомедицине добившейся победы над смертью и осуществившей, таким образом, главную мечту людей: жить вечно. Подзаголовок рассказа «Социопсевдоархитектурный проект с подробными описаниями» сигнализирует о том, что автора интересует социальная «архитектура» общества бессмертных — людей-клонов, сменивших живородящих смертных.

Кое о чем говорит уже внешний вид города. Из него вытеснена естественная природа. Упоминаются лишь синтетические газоны парка, побуждающие предположить, что и все остальное в нем — муляж живого природного оазиса. Все дома прямоугольные или кубические — «без излишеств». Не наблюдается радующего глаз разнообразия, стремления украсить место своего пребывания какой-то лепкой, росписью, башенками, скульптурами, фонтанами. Аккуратность, чистота, хочется сказать, стерильность неотделимы от некоего конструктивистского упрощения, не осложненного эстетическими заботами утилитаризма. Чувствуется, что к красоте (либо ее отсутствию) жители города безразличны. В общественных зданиях входы-проемы без дверей — в них светло и просторно, хотя как-то пусто и словно не согрето человеческим теплом. Пустынное впечатление производит и сам город. В нем все мирно и стабильно, но нет привычного урбанистического оживления, энергичного ритма, даже шума, и за индустриальным пейзажем как-то не видно заполняющих город людей. Вместе с тем порядок и благополучие торжествуют здесь над хаосом, неустроенностью. Забыты войны и связанные с ними разрушения, упразднены полиция и тюрьмы, поскольку отсутствует преступность. Нетрудно догадаться, что это результат генной инженерии, «поправляющей» природу человека и устраняющей хромосомы агрессивности, патологии.

Никто не мучит и не тиранит людей-клонов, никто ничего им не запрещает, и клонированные вполне довольны своим положением, тем более

что не знают страха смерти. Может показаться, что это и есть то идеальное общество всеобщего благоденствия, о котором грезили столетия. Однако такое впечатление обманчиво — и совершенно счастливая жизнь может оказаться неполноценной, если процветание достигнуто ценой утраты важнейших человеческих качеств и, собственно, человеческой сущности.

Особенности людей-клонов оттеняют вводимые нарратором сравнения с людьми древности (т.е. нашей современности). Потомков удивляют странные, на их взгляд, строения, обычаи и привычки людей прежней цивилизации: залы ожидания на вокзалах и в аэропортах, заполненные собирающимися куда-то ехать или лететь, общение с природой, уход за растениями, пристрастие к чтению, описанные в книгах любовные переживания и похороны с оплакиванием покойного и многое другое. Биотехнизированным существам все это представляется ненужным, отжившим свое. «То, что делали древние, в большинстве случаев глупо и нерационально» [5, с. 368], — резюмирует нарратор, хотя и признается, что «информация об их деяниях шекочет» (то есть вызывает некоторое любопытство) своей «абсурдностью» (!). Людям пустого города непонятно, зачем нужно куда-то стремиться, ждать каких-то встреч и перемен, тосковать от потери близкого человека, чувствовать себя несчастным в отсутствие любви, наслаждаться природой, вникать в книжную мудрость веков, — в этом они не видят необходимости, вообще смысла, удовлетворены тем, что есть, и тем, что сами собой представляют, и потребности в чем бы то ни было ином не испытывают. Таковы последствия изменения человеческой природы — за счет приобретения одного (= бессмертия) утрачивается другое (= природно-культурная целостность и человеческая идентичность). Наиболее пострадали, показывает Д. Яцутко, эмоциональная сфера и сфера половой жизни, с каковыми обычно и связывают понятие естественного человека. При отсутствии витального стимула развития заблокированной оказывается и активность духовного центра. Абсолютно все люди-клоны Д. Яцутко воспринимают, не испытывая никаких чувств, «прохладно», «никак»; описания сонтий в рассказе нет, даже когда речь идет о некоем подобии оргии. Манера письма в «прозе» — намеренно нейтральная, безэмоциональная, сухая, ведь и повествование приписывается одному из жителей города и преломляет психологический склад его личности: упрощенной, бесстрастной, роботической. То, что подается нарратором как нормальное, само собой разумеющееся, воспринимается как нелепость, абсурд, кошмар, хотя, на первый взгляд, ничего страшного не происходит. Люди-клоны работают, развлекаются и даже отчасти чтут традиции, унаследованные от прошлого, правда, они полностью обесмыслены. В городе, например, существует «зал ожидания», куда можно прийти и посидеть в кресле, — низачем, просто так, во исполнение некоего утвердившегося ритуала, тем более что непонятно, чем занять свободное время. По-видимому, с этой же целью оборудованы и «места для чтения» — по 2–3 на жилой квартал: это ниша в стене, «способная вместить стоящего человека и оборудованная звуконепроницаемой дверью и плоским экраном, который может опускаться или подниматься так, чтобы быть на уровне глаз читающего» [5, с. 368]. Из описания видно, что

книга вытеснена электронным ее вариантом, а литература — мультимедийной сетературой либо вообще чем-то средним между литературой и кино, — иначе к чему звуконепроницаемая дверь? Человек на время словно оказывается запертым в вертикальном ящике наподобие тюремных «стаканов». К наслаждению искусством это не располагает, да оно и не предполагается: эстетические чувства горожан не развиты, чтение воспринимается исключительно как акт получения информации, в данном случае — избыточной информации, каковую неясно к чему применить. Так что посещение «мест чтения» — тоже ритуал и форма развлечения. Конечно же, в городе есть и святыни, именуемые святынями разума: это труды тех, кто «много сделал для культуры или науки» [5, с. 370]. Их собирают/запирают в каком-либо здании «для почитания и благоговения», по сути, сдают в архив; при обучении молодежи считается достаточным включить в программы «несколько фраз, сказанных святым по тому или иному поводу», дабы затем «торжественно забывать его труды» [5, с. 371]. В чем именно заслуги признанных святыми, люди-клоны чаще всего не знают и не стремятся узнать. А ведь они — их порождение, и действительно ли заслуживают поклонения создатели бессмертных, еще большой вопрос. Думать в пустом городе не принято — только поглощать информацию. Безрадостное впечатление производят танцевальные вечера людей будущего: здесь нет ни веселья, ни «заведенности» музыкой: поглощают разносимые соки и танцуют горожане как бы механически, с отсутствующим выражением лица, не реагируя друг на друга, даже если кто-то обнажился и во время танца мастурбирует. Собравшиеся опять-таки следуют некоему общепринятому ритуалу свободного времяпровождения, не испытывая абсолютно никаких эмоций и интереса друг к другу, не заботясь о приличиях. Беседы не ведутся — неизвестно, о чем говорить, да и зачем? Желания общаться персонажи не испытывают — они рядом друг с другом, в общей толпе, но каждый сам по себе и ничуть этим не тяготится.

Непритворно-безразлично, формально относятся жители пустого города к смерти. «Смерть никого не увлекает, никто не ходит в утилизационный цех смотреть на покойников, никто не читает у гроба стихов» [5, с. 368], — сообщает нарратор. Для людей-клонов смерть — банальность наподобие выпадения молочного зуба. Они знают, что из клетки их клонируют снова и такое воспроизводство будет продолжаться до бесконечности, обеспечивая их бессмертие. Но утрата смертности, торжество искусственного над естественным привели к резкому обеднению внутреннего мира, деградации интеллекта, кастрации чувств. В силу искусственного воспроизводства у клонов угас половой инстинкт, заглохла эротическая чувственность, а с ней и потребность в любви — предпочтении единственно необходимого (-мой) всем другим. Не нужна больше и семья, сближающая людей, роднящая их между собой. Ни у кого нет детей, наследников, в каковых обычно вкладывают душу, получая ответную любовь. Атрофировались чувства жалости, сострадания, скорби — они просто не нужны, если умершего в любой момент можно воскресить посредством клонирования. Необходимость в поддержке, совместном преодолении трудностей также исчезла. Естественные связи между

людьми ослабли, куда-то улетучилась дружба. Отчуждение стало нормой. В тексте нет упоминаний об актах агрессии, драках, войнах — через их посредство в среде бессмертных ничего нельзя добиться; но исчезли и качества, стимулирующие победу, — сила воли, инициативность, смелость, энергичность, воодушевление, боевой напор, не говоря уже о «чувстве локтя». Главным стало обеспечение механизма клоновоспроизводства, осуществляющегося по установленной схеме. Религиозные верования отпали как ненужные, ведь основная причина возникновения религии — потребность преодоления страха смерти посредством психологического укоренения в мыслимом как вечное. Однако и атеизм жителей пустого города не сознательный, а — от бездумья: населяет ли кто-нибудь Пустую Обитель (Небеса), их не интересует. Ценности, выработанные культурой, тоже потеряли свое значение, поскольку были рассчитаны на смертных людей; ни к чему оказалась и культура с ее вечными темами: Жизнь — Смерть — Любовь. Без религии и культуры произошло опустошение душ, ничем не заполненных. Стимула к созданию новых духовных ценностей, каковыми ранее были смерть и жизнь в присутствии смерти, не оказалось. Жители пустого города не испытывают потребности к чему-либо стремиться — зачем? Что это изменит в их судьбе? И они, в сущности, не живут, а имитируют жизнь, в которой нет ни смысла, ни высоких целей, ни перемен. Победа над смертью оказалась пирровой, обернувшись деградацией бессмертных, движущихся по замкнутому кругу самоповторений.

Под пером Д. Яцутко биотехнологический проект преобразования человека в клон приобретает черты антиутопии, выражающей отрицательное отношение к экспериментам над людьми, человеческой природой, пусть и с самой благой целью. Последствия клонирования могут оказаться самыми непредсказуемыми и уже необратимыми. «Мы не обязаны считать себя рабами неизбежного технологического прогресса, если этот прогресс не служит человеческим целям» [3, с. 308], — утверждает Ф. Фукуяма. У Д. Яцутко аналогичное убеждение получает убедительное художественное воплощение.

Но, казалось бы, что может помешать людям отказаться от опасного проекта, не допустить его реализации? Да то духовное клонирование, каковому они подвергаются через мощную «теле-радио-газетно-компьютерную» (П. Вайль) обработку массовых обществ в глобализирующемся мире.

«Нивелируется... Стандартизируется... Упрощается... Более чем знакомое ощущение. Знакомое, наверное, любому мало-мальски мыслящему современному индивиду. Ощущение тотальной — всеподавляющей, всезаполняющей, всезамещающей — унифицированной тупости. Дебильной пластмассовой простоты» [1, с. 278], — вот чувства, переполняющие думающих современников.

Как эпидемию планетарной глупости характеризует наше время В. Ерофеев, замечая: «При конфронтации с тоталитаризмом демократия защищалась своим умом. Ум культивировался как средство выживания..., и демократия в конечном счете победила. Но, победив, она начала распадаться из-за отсутствия дебильного врага. То, что сдерживалось в течение десятиле-

тий конфронтации, теперь в отсутствии опасности ... растаяло и потекло фекальным потоком идиотизма» [2, с. 246].

Клоны «Пустого города» лишь гротескно повторяют многое из наблюдаемого уже сегодня, доводят до абсурда целенаправленно осуществляющуюся примитивизацию культурной и умственной жизни. Не из клеток ли массовых людей как самого распространенного типа современности — они и произведены? Замаскированный сарказм Д. Яцутко двуадресен и ставит на откормленной морде лжепозитива клеймо: «недействительно».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаррос, А., Евдокимов, А. Серая слизь. — СПб.; М., 2005.
2. Ерофеев, Вик. Бог Х.: Рассказы о любви. — М., 2001.
3. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. — М., 2004.
4. Хаксли, О.О дивный новый мир / О дивный новый мир: Английская антиутопия. — М., 1990.
5. Яцутко, Д. Пустой город. Социопсевдоархитектурный проект / Проза: Антология. — СПб., 2004.